

В 1928 году обе монастырские церкви были закрыты, а в их помещении расположился Центральный исторический архив БССР.

Во время обороны города в 1941 году строения церкви сгорели. Но остались стены зданий и 4-ярусная колокольня. Несмотря на решение в 1945 году комиссии управления архитектуры при Совете Министров БССР о необходимости сохранения и реставрации комплекса зданий монастыря, остатки монастыря, были уничтожены нашими современниками [2, с. 582-584].

Еще одно из не дошедших до нас творений - красивый и стройный иезуитский костел Святого Ксаверия (1686 г.). Каменное здание костела, построенное в 1725 году в стиле барокко, внутри было украшено лепными гирляндами и живописными композициями, росписями сцен из жизни и деятельности ордена иезуитов, миссионеров и местного населения, природы и людей.

В 1820 году по приказу Российского царя Александра I иезуиты были изгнаны по всей России, в том числе и из Могилёва.

В бывшем костеле разместились армейская церковь, затем открылась переоборудованная и переосвященная Воскресенская церковь, которая действовала до 1930 года, а позже была закрыта и приспособлена под склад.

Рисунок 5 – Костел Святого Ксаверия

Во время войны здание костела - церкви сильно пострадало и позже было снесено [2, с. 658-660]

В 1938 году город лишился Собора Святого Иосифа. Его история интересна красивой легендой. В мае 1780 года в Могилеве состоялась встреча Екатерины II с австрийским императором Иосифом II.

Рисунок 6 – Иосифовский собор

В честь этого события оба монарха заложили камень в основание будущей церкви. Говорили, что в момент, когда императрица и Иосиф склонились над

камнем, у императрицы с шеи оборвалось жемчужное ожерелье, и жемчуг рассыпью упал на землю.

Попытки придворных поднять драгоценные жемчужины Екатерина остановила, сказав: «Пусть жемчужины остаются в земле, но пусть храм, который вырастет на этом месте, будет таким же прекрасным, каким было ожерелье». Екатерина II остановила свой выбор на проекте, предложенном архитектором Николаем Львовым, строительство храма было завершено в 1798 году.

История Иосифовского собора была непростой, а закончилась просто трагически. Уже в 1930 году собор закрыли. В нём разместился клуб хлебозавода, а затем музей религии и атеизма. Когда Могилев собрались сделать столицей БССР, на месте собора решили построить гостиницу «Днепр» для членов правительства, здание взорвали - от храма остались лишь руины [2, с. 645-647].

К сожалению, этот печальный список можно продолжить, сегодня большинство существовавших в Могилеве храмов сохранились только на старых фотографиях, планах и на картинах художников.

Мы надеемся, что когда-нибудь начнется восстановление этих уникальных объектов. Ведь начало уже положено: прямо в сердце Могилева, на площади Славы, восстановленная по чертежам, висит ратуша, о которой еще совсем недавно мы могли только вспоминать. Ведь одна из целей современников - сохранить и преумножить архитектурное наследие города.

Список использованных источников:

1 Агеев, А. Г. Перекрестки могилевской истории / А. Г. Агеев, Я. И. Климуть, И. А. Пушкин. - Минск : Турифо, 2004. - 224 с.

2 Борисенко, Н. С. Могилевщина – мой любимый Приднепровский край (сборник экскурсий) : Ч. I-II / Н. С. Борисенко. – Могилев : Могилевская областная укрупненная типография им. С. Соболя, 2007. – 832 с.

3 Чантурия, В. А. Памятники и памятные места Беларуси / В. А. Чантурия, Ю. В. Чантурия. - Смоленск : Русич, 2010. - 414 с

4 Чарняўская, Т.І. Архітэктура Могілева. 3 гісторыі планіроўкі і забудовы горада / под рэд. У.А. Чантурыя .-Мінск "Навука і тэхніка", 1973.- 92 с.

В.Ю.Казанина

УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

Западнополюсский мотольский полушубок как объект компаративного исследования современного искусствоведа и антиквара

Традиционный костюм – неотъемлемая часть материальной культуры народа, так как выполняет не только эстетическую и утилитарно-практическую функции (украшение и защита тела от холода и повреждений), но также – функцию идентификационную, т.е. утверждает принадлежность человека к определенной этнической, социальной и религиозной группе, стабилизирует общество. Беларусь уделяет большое внимание этнокультурной идентичности, охране памятников историко-культурного наследия и видов народного искусства, символизирующих эту идентичность. Поэтому многие элементы традиционного костюма регионов нашей Родины, которые ранее интересовали в основном учёных-теоретиков (искусствоведов, этнографов, историков), в XXI веке интересуют всё более широкие слои общества Беларуси. Если элементы народного костюма являются антиквариатом – объектами с определённым сроком давности, имеющими этнографическое, научное или художественное значение, – ими (кроме коллекционеров-любителей, изготовителей-мастеров, потребителей)

интересуются и практикующие антиквары. Всё более активное внимание привлекает сегодня один из наиболее известных элементов традиционного костюма жителей Западного Полесья, изготовляемый из выделанной овчины, – мотольский полушубок (рис. 1–3), название которому дала деревня Мотоль Ивановского района.

Рисунок 1 – Полушубок, Мотоль, XIX век [1, № 56]

Рисунок 2 – Полушубок, Мотоль, 1980-е годы [1, № 55]

Рисунок 3 – Мастер Любовь Стасевич и её полушубок. Мотоль, 2015

Антиквариат и старинные памятники декоративно-прикладного искусства сегодня вызывают постоянно возрастающий общественный интерес. Этот

интерес обусловлен историческим характером предметов антиквариата, функциональностью, художественными достоинствами и особенностями технологий народных промыслов и ремёсел, всегда связанных с адаптацией к определённому ландшафту (природному и культурному). В условиях глобализации XXI века всем народам остро необходимо сохранить свою идентичность. Местные ремесленные изделия, как правило, удовлетворяют разнообразные духовные и эстетические потребности общества, способствуют его консолидации, и, как следствие, формируют собственную инвестиционную привлекательность на рынке. Если данные местные изделия вовлечены в рыночный обмен, они становятся этнотоварами – предметами, за которые платят деньги именно за их связь с искусством, историей и культурой определённого народа. Цель доклада и данных тезисов – уточнить, как сегодня мотольский полушубок адаптирован к художественному процессу, социокультурной практике и рыночным отношениям.

Кожаная одежда – древнее, чем текстиль, она появилась в Европе во время палеолита [2, с.176]. С началом эпохи неолита она стала сочетаться с тканой вязаной [2, 165], а в условиях климата ряда регионов Европы, например, Полесья (с его снежными зимами среди болотистых низин по течению Припяти, Горыни и Пины), популярна и сейчас. Это не случайно, ведь уже в первых специальных описаниях менталитета и костюма жителей Полесья, этнографы отмечают традиционализм и практичность: «Въ жизни... и въ одеждѣ, Польшукъ консервативень... и придерживается прадедовскихъ обычаевъ. Кромѣ шапки да... сапогъ, вся его одежда домашняго издѣлія, а матеріаломъ для него служатъ ленъ, пенька, шерсть, овчина, лыко» [3, с. 348]. По книгам XIX века, полушубок из овчины на Полесье – норма верхней одежды зимой: «Свита да зимою полушубокъ составляють главную принадлежность одежды Польшука» [3, с. 349].

С западнополесским мотольским полушубком связана мало известная и уже утраченная местная субкультура лаборей (сообщества мужчин-уроженцев местечка Яново-Полесское, занятых эксклюзивным сезонным промыслом – сбором пожертвований на православную церковь или на римско-католический костел в крупных городах Беларуси, Литвы, Украины и России XVIII–нач. XX веков). В народе их называли лаборями (от латинского слова *labor* – «труд»). До 1930-х годов несколько веков подряд этим занятием в свободное от полевых работ осенне-зимнее время промышляли все мужчины Янова-Полесского (за редким исключением), пользуясь в общении искусственным языком (возможно, перенятым от русских старцев инициих). После 1939 года лабарство исчезло вместе с исчезающими (из-за атеизма) храмами. Когда в 1990-х годах интеллигенция Янова-Полесского решила поставить памятник лаборю, её представители уточнили, что: «Это должен быть человек... с черными волосами, ...с белым правильным и умным лицом. Одежда лаборя – простой полушубок с ремённым кушаком, сапоги с длинными голенищами и чёрная суконная шапка с козырьком» [4]. Такими лаборей видели в Беларуси, Вильнюсе, Волыни, в Москве и в Санкт-Петербурге.

Именно в мотольские полушубки во время своих путешествий и одевались лабори (что и не мудрено), ведь раньше для того, чтобы купить полушубки, сшитые местными мастерами, сюда приезжали издалека, не только из Янова-Полесского (рядом с которым лежит Мотоль): «И при СССР заказов было море – от Беларуси до Дальнего Востока! Тогда у нас в каждой хате был цех. По ночам работали, потому что днём работа была в колхозе, – объясняет... мастер по кожухам Степан Малич (рис. 4)» [5].

Рисунок 4 – Мастер Степан Малич с его полушубками (2015)

Рисунок 5 – Бона Сфорца д'Арагона (1494–1557)

Рисунок 6 – Писцовая книга, переиздание (1884)

По преданию, мастеров-виртуозов по обработке и пошиву кожаных изделий привезла в западнополесские и литовские земли из Италии Бона Сфорца (рис. 5) – королева польская и великая княгиня литовская (1518–1556), что правдоподобно, если сравнить явно похожие полушубки Полесья и Дзюкии [6, № 470–471]. Бона, вторая жена Сигизмунда I Старого, получила серьёзное образование (в области права, географии, латыни, теологии, философии и математики), вела происхождение от Медичи и Борджиа и очень ценила присутствие Леонардо да Винчи, который работал в примиланском дворце ее родителей – Джана Галеаццо Сфорца и Изабеллы Арагонской. Она помогла Микеле Гусовскому издать в 1523 году «Carmen de statura feritate ac venatione bisontis» («Песню про зубра») и имела административный дар. В государстве её мужа, на землях Польши, Украины, Литвы и Беларуси, она развивала торговлю, строила замки, дороги и мосты. При ней возрос экспорт из ВКЛ в Западную Европу древесины, зерна, скота, недублёных шкур, а города процветали. Поэтому Сигизмунд I в 1521–1556 годах передал ряд поселений (в том числе Кобрин, Рогачёв, Пинск, Мотоль) в её личное управление, и, как владелицу Пинска, Бону называли «Pinensis domina» («пинская госпожа»). В Музее Белорусского Полесья хранят переиздание «Писцовой книги Пинского и Клецкого княжеств» (рис. 6), рассказывающее о её правлении. Бона облегчила жизнь местного населения, за что полешуки её уважали и называли в её честь каналы, деревья и колодцы. Мотоль получил при ней Магдебургское право (1553) и стал местом, где она часто бывала и имела дворец, который, сожалению, не сохранился. Бона Сфорца привезла в Мотоль скорняков, которые обучили местных мастеров и их преемников. Впоследствии они долго зарабатывали этим промыслом на жизнь, причём, в мотольские полушубки, кроме лаборей XVIII–XIX веков, в XX веке были одеты многие партапаратчики и представители творческой элиты СССР, а рыночная стоимость нового мотольского полушубка сегодня – от \$400. Изрядно поношенный антикварный полушубок, которому более 50 лет, можно приобрести за \$200–250.

Традиционная предприимчивость и мобильность жителей Мотоля, отражённые в таком проявлении их творчества, как изготовление местных полушубков, и сегодня дают возможность для стабилизации социокультурной инфраструктуры села и сплочённости его наследия, которое подчёркивает: «У нас же 4000 человек живёт – побольше, чем в некоторых районных городах. Молодежи много, многодетных семей тоже. Школьников 515 человек, а в детском саду – 129 ребятшек. Из Мотоля не уезжают ни молодые, ни старые» [5].

Традиционный крой и отделка полушубков наряду с «современными» моделями всё ещё сохраняются в творчестве мастеров Л. Стасевич и С. Малича, а мотольский полушубок всё более активно интересует СМИ, музейных работников и антикваров. В комплексе эти тенденции дают шанс искусству его изготовления сохраниться, а также быть востребованным на рынке в XXI веке.

Список использованных источников:

1. Раманюк М. Беларуская народная адзенне: фотаальбом. – Мінск : Беларусь, 1981. – 317 с.
2. Матюшин Г. Археологический словарь. – М. : Просвещение, 1996. – 240 с.
3. Живописная Россия. Литовское и Белорусское Полесье /репр. издание. – Минск : Белорусская энциклопедия, 1993. – 492 с.
4. Гурин А. В поисках утраченного [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://news.21.by/2006/04/22/26854.html>. – Дата доступа: 01.12.2017.

5. Занько Н. Необычная деревня Мотоль: авто за 100 тысяч долларов, цех в каждой хате и колбасные короли // Комсомольская правда в Беларуси. –2015.– № 106 (435). – С. 6.

6. Bernotienė S. Lietuvių liaudiesmoterų drabužiai XVIIIa. pab.–XXa. pr. / dailininkė R. Verygaitė. – Vilniaus : Mintis, 1974. – 278 с.

Д.И.Веремейчук

УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

Государственное учреждение дополнительного образования «Детская школа изобразительных искусств г. Бреста им. А. Алонцева»: история в лицах и проектах

В современных реалиях важную роль в процессе эстетического воспитания как необходимого средства развития разносторонней личности ребенка играет детское художественное творчество. В культурно-образовательной среде Бреста деятельность в области начального художественного образования осуществляется в рамках программ разных уровней в государственных и частных художественных студиях, центрах детского развития, факультативных занятий и занятий по интересам средних образовательных школ. Соприкосновение с художественной культурой позволяет на начальном этапе развить художественные способности ребенка, сформировать его эстетические вкусы, а в дальнейшем показать перспективные направления для самостоятельного творчества.

Во всем разнообразии представленных в городе культурно-образовательных объектов лидирующие позиции на протяжении нескольких десятилетий занимает Брестская детская школа изобразительных искусств. Именно это учреждение на сегодняшний день является стартовой площадкой для известных в будущем художников Бреста, наравне с Брестским объединением белорусского союза художников активно включается в городские культурные проекты и поддерживает творческие инициативы.

Становление Брестской художественной школы как центра начального профессионального художественного образования является в локальном масштабе значимым явлением художественной культуры 80-х гг. XX вв. Заметим, в первые годы функционирования контингент учащихся школы был малочисленным. Однако стремление молодежи получить качественное начальное художественное образование у профессиональных педагогов обусловило постоянную прогрессию в количественной составляющей обучающихся. На сегодняшний день в школе обучаются около 550 детей.

Изначально обучение в школе осуществлялось без специально разработанных программ, что позволило учесть специфику развития художественного творчества в конкретном культурно-историческом контексте, способствовало самоидентификации ведущих педагогов школы. Именно разносторонние и известные в городской культурной среде личности, Алонцев А. А., Черногорова Н. А., Денисова Т. В., Татарников Ю. И. сыграли ключевое значение в процессе становления и развития детской художественной школы [1, с. 7]. Их активная педагогическая деятельность способствовала выявлению и полноценному развитию способностей талантливых учащихся. Яркая творческая индивидуальность этих персоналий, проявлявшаяся в практической деятельности, является на протяжении многих лет стимулом для творческого роста учащихся и позволяет говорить об авторитетности заведения.

Отдельно следует остановиться на знаковой для Бреста личности Александра Александровича Алонцева,

который являлся учеником маститого брестского художника Петра Данелии. Также, как и учитель, стоявший у истоков формирования самобытной брестской художественной школы и воспитавший не одно поколение известных художников, А. Алонцев внес значительный вклад в развитие художественного образования Бреста. А. Алонцев являлся первым и бессменным на протяжении 25 лет директором детской художественной школы, и благодаря его усилиям начальное художественное образование в городе вышло на качественно новый уровень. Творческая активность этой талантливой личности коснулась многих ключевых сфер и направлений художественной жизни Бреста. Он работал в масляной живописи, занимался художественным оформлением книг, увлекался жанром плаката и декоративно-прикладным искусством, полностью раскрыл свой потенциал и обрел неповторимый художественный почерк в акварели [2].

Однако в историю художественной культуры Алонцев вошел в большей степени как талантливый педагог, который, несмотря на интенсивную творческую деятельность, делом всей своей жизни считал открытие детской художественной школы, в которой преподавал до 2005 г. С целью увековечить память об идейном вдохновителе организации детской художественной школы этому учебному учреждению по инициативе Союза художников Беларуси и Союза художников Бреста в 2016 г. присвоено имя Александра Алонцева. А в 2018 г. на здании школы в память о художнике появилась мемориальная доска (скульптор Л. Тарабуко) [3].

Одним из первых педагогов в детской художественной школе являлась Н. Черногорова, самобытная брестская художница, работающая в станковой живописи и акварели. Сцелью самовыражения Н. Черногорова включает в презентацию своих персональных выставок элементы шоу, эпатажа. Большой вклад в образовательный процесс детской художественной школы внесла Т. Денисова, известная городе художница, работающая в технике акварели и масляной живописи. Деятельность Т. Денисовой является основополагающей в формировании представления о самобытной брестской художественной среде, что связано с обращением художницы к темам, непосредственно связанным с историей и культурой города.

Важной тенденцией в историко-культурном развитии школы 2000-х гг. видится повышение интереса к графическому искусству, что нашло отражение в открытии в 2002 г. кабинета графики под руководством известного художника-графика Г. Вяля. Педагогический талант Г. Вяля в полной мере раскрылся на международных выставках и конкурсах детских работ, где его ученики зачастую были отмечены высокими наградами.

О качестве образования в художественной школе ярче всего свидетельствуют ее выпускники, многие из которых после окончания школы продолжают